

РОССИЙСКО-САУДОВСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Г.Г. Косач, Е.С. Мелкумян, А.О. Филоник

Институт востоковедения РАН

В предлагаемой статье анализируется развитие российско-саудовского политического взаимодействия в период после восстановления (в то время советско-саудовских) двусторонних отношений в сентябре 1990 г. Имея в виду значение российского мусульманского сообщества как важного фактора развития политических отношений между Москвой и Эр-Риядом, в статье акцентируется внимание на подходах российской стороны к определению роли и места этого сообщества в российской политике 1990-2000-х гг.

В развитии российско-саудовского политического взаимодействия авторы выделяют периоды «кризисов», связанных с событиями в Чечне и на пост-югославском пространстве в 1994-2000 гг., «арабской весной» 2011 г., с российской антитеррористической кампанией в Сирии после сентября 2015 г., и периоды «разрядки».

Чередование этих периодов – константа российско-саудовских политических контактов, несмотря на близость в подходах сторон к способам решения кризисных ситуаций в регионе Ближнего Востока, а также на позитивную для российской стороны саудовскую позицию в отношении изменения статуса Крыма и положения на востоке Украины. Обе стороны рассматривают ИГИЛ* и «Джабхат ан-Нусра» («Джабхат Фатх аш-Шам») как источники терроризма, региональной нестабильности и вызов международной безопасности, что не снимает основных противоречий, разделяющих Москву и Эр-Рияд: отношения к сирийскому режиму и региональной политике Ирана.

Проведённое исследование позволило прийти к выводу о том, что Россия и Саудовская Аравия заинтересованы (хотя и по разным причинам) в диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей.

Ключевые слова: Россия, российское мусульманское сообщество, Саудовская Аравия, российско-саудовские отношения, Ближний Восток, исламский мир, Сирия, Иран.

УДК 327

Поступила в редакцию 29.04.2017 г.

Принята к публикации 05.08.2017 г.

* Террористическая организация, запрещенная в России.

Возобновление в сентябре 1990 г. отношений с Саудовской Аравией открыло перед Советским Союзом и его правопреемником Россией путь к прямым контактам со странами Совета сотрудничества арабских государств Залива – ССАГЗ (исключение составлял только Кувейт, установивший дипломатические отношения с Советским Союзом ещё в 1963 г.). Впервые в советской/российской истории Москва установила дипломатические связи со всеми государствами-членами Лиги арабских государств (ЛАГ). Восстановление связей с Саудовской Аравией – часть трансформации системы международных отношений начала 1990-х гг., определявшейся перестройкой и «новым политическим мышлением», когда афро-азиатский регион перестал выглядеть полем биполярной конфронтации. Устанавливались контакты с государствами, которые Москва ранее считала «региональными сателлитами» Америки.

Однако под воздействием региональной и глобальной международной ситуации, а также внутривосточных факторов российско-саудовское взаимодействие обрело черты не только ярко выраженной турбулентности, но и конфликтности. В этом контексте повышение роли России на Ближнем Востоке ставит вопрос о том, возможно ли изживание этой конфликтности и если да, то какими способами. Ответ на этот вопрос позволит лучше представить будущие отношения обеих стран, имеющие непосредственное отношение к развитию ситуации не только на Ближнем Востоке, но и шире, в мусульманском мире.

Цель исследования заключается в том, чтобы дать развёрнутое представление об эволюции российско-саудовского политического взаимодействия, влияющих на него факторов и обстоятельств, порождающих, с одной стороны, совпадение подходов к решению проблем Ближнего Востока, а с другой – глубокие противоречия между сторонами.

Специальные отечественные и зарубежные исследования всего комплекса российско-саудовских политических отношений с момента их восстановления в настоящее время практически отсутствуют [5; 7; 9]. Хотя эта тема часто привлекает внимание российских, арабских (в частности, саудовских) и западных аналитиков, их выводы (во многом противоречивые и поверхностные) требуют основательной верификации [13; 15].

Стремление авторов к объективности предопределило критический подход к использованию источниковой базы исследования, а также оперирование принципом системности. В статье представлен политологический анализ отношений между Москвой и Эр-Риядом в историческом контексте и с учётом внешних факторов.

Первые годы после восстановления двусторонних связей давали надежду на дальнейшее их развитие по восходящей линии. Во второй половине апреля 1992 г. российский министр иностранных дел А. Козырев совершил официальный визит в страны Залива, встретившись в Эр-Рияде с королём Фахдом бен Абдель Азизом. Одной из тем переговоров в саудовской столице стало обсуждение ситуации на Северном Кавказе, причём Эр-Рияд выразил «понимание и

положительное отношение» российской позиции в отношении «экстремизма». Российская сторона изъявила готовность содействовать «созданию условий» для того, чтобы «миллионы российских мусульман общались со своими братьями по вере, осуществляя паломничество в святые места» [8, с. 36-38]. Мусульманское сообщество превращалось в фактор непосредственного воздействия на внешние связи РФ, что подтверждало и установление первых контактов с Организацией исламского сотрудничества (ОИС)¹.

В ноябре 1994 г. король Фахд бен Абдель Азиз и наследный принц Абдалла бен Абдель Азиз приняли председателя Совета министров В. Черномырдина. Состоявшийся обмен мнениями «продемонстрировал схожесть или близость позиций» и «политическое доверие» сторон. В ходе этого визита было подписано Генеральное российско-саудовское соглашение, предусматривавшее сотрудничество обоих государств «в области экономики, торговли, инвестиций, культуры и спорта», и достигнута договорённость о создании Совместной межправительственной Российско-саудовской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Однако уже в декабре 1994 г. в двусторонних отношениях разразился кризис, причину которого российская дипломатия усматривала в различии подходов сторон к событиям в Чечне². Саудовская Аравия была провозглашена источником «ваххабитской идеологии», внедряемой на Северный Кавказ по «американскому указанию» благотворительными фондами и организациями.

Антисаудовская риторика усилилась и в связи с югославскими событиями. «Косовский вопрос» рассматривался Москвой как итог совместных действий «албанских сепаратистов», «НАТОВских агрессоров» и «боевых отрядов моджахедов из Пакистана, Афганистана и ряда стран Персидского залива при активной помощи саудовских спецслужб» [5].

Опираясь на данные Федеральной службы безопасности, российские эксперты сообщали о личных контактах Усамы бен Ладена с главами некоторых региональных муфтиятов и о том, что обучение российских мусульман в «зарубежных религиозных учреждениях» (речь шла о Саудовской Аравии и странах Залива) – «канал проникновения в Россию чуждых для неё форм ислама». При оценке деятельности саудовских благотворительных фондов (после 1998 г. – Объединённого комитета помощи Косово и Чечне) подчёркивалось, что эти фонды «излишне доверчивы в отношении непорядочных “деятели от ислама”» [10, с. 120-135].

За эвфемизмом «непорядочные “деятели от ислама”» скрывалась происходившая во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. дифференциация российского мусульманского сообщества. Помощь саудовских благотворительных

¹ В 1994 г. в Москве побывал тогдашний генеральный секретарь ОИС Хамид Аль-Габид.

² Андрей Бакланов: «Король Абдалла прекрасно знал людей». [Электронный ресурс] URL: [http://www.vestnikavkaza.ru/interview/Andrey-Baklanov-Korol-Abdalla-prekrasno-znal-lyudey-polzovavshya-ogromnym-avtoritetom.html](http://www.vestnikavkaza.ru/interview/Andrey-Baklanov-Korol-Abdalla-prekrasno-znal-lyudey) (дата обращения: 1.06.2017).

фондов содействовала возникновению региональных муфтиятов, принадлежавших к неханифитским школам и проводивших курс, не зависимый от уфимского Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ). Хотя в дальнейшем эти муфтияты вошли в состав московского Совета муфтиев России (СМР), их руководители сохранили высокую степень автономности [1]. Формировалось новое поколение религиозных деятелей, вступавших в борьбу с теми, кого они обвиняли в «рабологии перед властью» и называли «наследниками коммунистического прошлого». Первоначально, ориентируясь на ЦДУМ, российская власть видела в них «сторонников саудовского ваххабизма». Саудовское направление переместилось на нижние строки в рейтинге приоритетов российской внешней политики.

С приходом В. Путина на высший пост исполнительной власти в российско-саудовских отношениях наметились перемены. Они вновь были связаны с Чечней: Москва нуждалась в том, чтобы положить конец внешним связям чеченских сепаратистов. Посетившие Эр-Рияд специальные представители российского президента получили заверения саудовской стороны в уважении территориальной целостности России и принципа невмешательства в её внутренние дела», а также в том, что саудовские благотворительные фонды будут «координировать усилия» с российскими органами власти, ограничиваясь оказанием гуманитарной помощи населению [7, с. 268-272; 11, с. 6].

Исключение «чеченского вопроса» из сферы российско-саудовских отношений способствовало их выходу из состояния стагнации. В начале сентября 2003 г. будущий король Саудовской Аравии с официальным визитом посетил российскую столицу, где его ожидали «с большим нетерпением» [8, с. 6]. Принимая фактического руководителя саудовского государства, российское руководство стремилось окончательно стабилизировать положение на Северном Кавказе и исключить воздействие религиозного радикализма на общероссийскую ситуацию. По итогам визита была создана российско-саудовская рабочая группа по вопросам борьбы с терроризмом, а российская сторона заручилась поддержкой для вступления в качестве страны-наблюдателя в ОИС. Прозвучало и заявление Абдаллы бен Абдель Азиза о том, что «чеченский вопрос – внутреннее дело России»³.

Важнейшей темой переговоров, состоявшихся в Эр-Рияде 11-12 февраля 2007 г., стало торгово-экономическое сотрудничество. В. Путин заявил о перспективах взаимодействия в сфере добычи и переработки энергоносителей, транспортной инфраструктуры, космоса, атомной энергетики, металлургии [9; 13].

Начавшееся сближение не стало устойчивой тенденцией. «Арабская весна» радикально изменила российскую официальную и общественную риторику, как и политику в отношении Саудовской Аравии. Эта трансформация

³ Принц Абдалла: «Чеченский вопрос – внутреннее дело России». [Электронный ресурс] URL: <http://izvestia.ru/news/280837> (дата обращения: 1.06.2017).

вытекала из взгляда на события 2011-2012 гг. как на эпизод «цветных революций», спланированных Западом и осуществлённых «ближневосточными автократами», – первой из них называлась Саудовская Аравия [2]. В конце апреля 2012 г., давая общую оценку развитию событий в арабском мире, президент Д. Медведев пессимистично замечал: «Арабская весна» закончится холодной «арабской осенью» в силу того, что «к власти в ряде стран рвутся радикалы»⁴. Вернувшийся в 2012 г. на пост президента В. Путин, выступая в декабре 2013 г. с посланием Федеральному собранию, квалифицировал новую ближневосточную ситуацию, используя термины «регресс», «варварство» и «большая кровь»⁵.

Российские и саудовские внешнеполитические приоритеты вновь разошлись. Если в Москве считали необходимым включить Б. Асада в «общесирийский политический процесс», то в Эр-Рияде заявляли о «нелегитимности» сирийского президента. Если Россия развивала отношения с Ираном и на переговорах по иранской ядерной программе настаивала на его «неотъемлемых правах» на развитие мирной ядерной энергетики, то в Саудовской Аравии видели в Тегеране «стратегического противника». Москва не комментировала поддержку Ираном сирийского режима, как и не возражала против участия «Хезболлы» во внутрисирийском конфликте. Эти обстоятельства заставляли саудовское руководство видеть в позиции России основную причину «сирийской катастрофы». 29 марта 2015 г. на заключительном заседании саммита ЛАГ в Шарм-эш-Шейхе С. Аль-Фейсал назвал Россию «источником страданий сирийского народа»⁶.

Российское взаимодействие с ОИС также менялось. Выступая в октябре 2013 г. в Уфе на встрече с главами исламских духовных управлений, В. Путин вновь говорил о «радикальных течениях, не характерных для российских мусульман», действующих в интересах «ослабления» государства и создания «на российской территории зон управляемых извне конфликтов». Российский президент считал необходимым «воссоздание» суверенной «богословской школы», признанной «мусульманскими учёными мира»⁷. Наконец, В. Путин высказывал мысль о возможности антироссийского «заговора», связанного со снижением мировых цен на энергоносители, реализовать который, по его мнению, «может только Саудовская Аравия». Предполагая, что саудовская сторона не пойдёт на это, российский президент такую возможность полностью не исключал. Стремясь не допустить развития событий в этом направлении, он заявил в апреле 2015 г. об отмене запрета на продажу Ирану комплекса ПВО С-300. По сло-

⁴ Президент России. Интервью российским телеканалам, 26 апреля 2012 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/news/15149> (дата обращения: 1.06.2017).

⁵ Послание президента Федеральному собранию, 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 1.06.2017).

⁶ Аль-Фейсал: российская поддержка режима Асада – источник страданий, обрушившихся на сирийский народ. [Электронный ресурс] URL: <http://aawsat.com/home/article/324451> (дата обращения: 1.06.2017).

⁷ Президент России. Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России, 22 октября 2013 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19474> (дата обращения: 1.06.2017).

вам ведущего саудовского журналиста, это решение «вызвало гнев государств региона»⁸.

В начале лета 2015 г. появились признаки того, что российско-саудовские отношения выходят из кризиса. Об этом свидетельствовал визит заместителя наследника саудовского престола принца Мухаммеда бен Сальмана в Санкт-Петербург, где состоялась его встреча с В. Путиным. По сообщениям саудовской прессы, планировалось обсудить перспективы двустороннего сотрудничества. О готовности российской стороны возобновить контакты с Саудовской Аравией свидетельствовала реанимация Российско-саудовского делового совета, по инициативе которого в мае 2015 г. в Джидде было организовано «роуд-шоу российских регионов и компаний». Тогда же Джидду посетил специальный представитель российского президента по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель главы внешнеполитического ведомства Михаил Богданов, которого приняли король Сальман бен Абдель Азиз, наследный принц Мухаммед бен Наеф и министр иностранных дел Адиль Аль-Джубейр. Состоялся «развёрнутый обмен мнениями» по ближневосточной ситуации, а также по вопросу о «консолидации подходов Москвы и Эр-Рияда» по противодействию «Исламскому государству»⁹.

Каналом для восстановления связей с Саудовской Аравией стала ОИС. 11 июня 2015 г. российский министр иностранных дел Сергей Лавров в ходе совместной пресс-конференции в Москве с (в то время) генеральным секретарём этой организации И. Мадани говорил об «особом внимании обеих сторон к положению в Сирии, Ираке, Йемене, Ливии». Россия и ОИС считали необходимым «стимулировать в этих странах общенациональный диалог», что совпадало с саудовской точкой зрения. В Москве осудили произошедший 22 мая 2015 г. взрыв в шиитской мечети в саудовском Эль-Катифе, ответственность за который взяло на себя «Исламское государство», и заявили о «поддержке усилий руководства и правоохранительных органов Саудовской Аравии по бескомпромиссному отпору террористам всех мастей»¹⁰.

В ходе визита принца Мухаммеда бен Сальмана были подписаны соглашения о сотрудничестве в сфере мирного использования ядерной энергии, энергетики и инвестиций, космоса, строительства, военно-технического взаимодействия. Однако они остались «декларациями о намерениях» по причине непреодолимых разногласий между Москвой и Эр-Риядом относительно ситуации в Сирии и роли Ирана в регионе. Саудовская сторона заявила о неприемлемости предло-

⁸ Первый товар, купленный Ираном после соглашения. [Электронный ресурс] URL: <http://aawsat.com/home/article/339116> (дата обращения: 1.06.2017).

⁹ О рабочей поездке спецпредставителя президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя министра иностранных дел России М.Л. Богданова в Саудовскую Аравию. 27 мая 2015 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/bdcomp/brp_4.nsf/sps/EA78427E654A0B6E43257E520046A51B (дата обращения: 1.06.2017).

¹⁰ Заявление официального представителя МИД России А.К. Лукашевича в связи с террористическим актом в Саудовской Аравии. 23 мая 2015 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNIr/content/id/1305806 (дата обращения: 1.06.2017).

женной В. Путиным региональной антитеррористической коалиции с участием Тегерана и режима Б. Асада [15]. 11 октября 2015 г., уже после начала действий российских военно-космических сил на сирийской территории, состоялся второй визит принца Мухаммеда бен Сальмана в Россию. Его встреча с российским президентом не стала серьёзным прорывом в двусторонних политических отношениях, однако российская и саудовская стороны (инициировавшая в 2016 г. перестройку своей экономики по программе «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030») не прекратили поиск возможностей для экономического взаимодействия, важным аспектом которого выступает стремление к сотрудничеству в сфере производства и сбыта энергоносителей [4; 14]. Наряду с этим, Эр-Рияд видит в российских «мусульманских» регионах (Северный Кавказ и Татарстан) вероятных реципиентов инвестиций и объектов внешнеэкономической деятельности. Состоявшиеся в ноябре 2016 г. поездки глав Ингушетии и Чечни в Саудовскую Аравию, как и участие представителей саудовского бизнес-сообщества в ежегодных форумах KazanSummit подтверждают этот вывод.

Между тем ни Россия, ни Саудовская Аравия не изменили своего взгляда на внутрисирийский конфликт. Российская сторона, апеллируя к Декларации «Женева-1», считала, что решение о пребывании Б. Асада у власти должны принимать не «внешние силы», но лишь «сирийский народ», и настаивала на создании широкой антитеррористической коалиции. Напротив, саудовская сторона интерпретировала положения протокола «Женева-1» как требование ухода главы сирийского государства. Эти разногласия сказываются на региональной безопасности и даже на безопасности ЕС, куда отмечается наплыв сирийских беженцев [12]. Отсутствие прогресса в отношениях исключило визит короля Сальмана бен Абдель Азиза в Россию, как и визит В. Путина в Саудовскую Аравию. Операция российских военно-космических сил в Сирии была воспринята в Эр-Рияде как «поддержка террористического сирийского режима». Саудовская пресса отмечала, что российские действия на стороне Б. Асада и саудовская поддержка «умеренной оппозиции» привели к тому, что Эр-Рияд и Москва начали «военный диалог на земле»¹¹. Этот «военный диалог» остаётся реальностью сегодняшнего дня.

Проведённый анализ позволяет говорить о нестабильности российско-саудовских политических отношений (и, как следствие, об отсутствии прогресса двусторонних экономических связей), определяемой принципиальными различиями в подходах обеих сторон к внутрисирийскому конфликту и региональной роли Ирана. Эти отношения по-прежнему далеки от устойчивости и взаимного доверия, что необходимо для придания им поступательного характера. Итогом сложившейся ситуации стало российско-саудовское противостояние в Сирии. Амбивалентность позиции российского руководства в отношении

¹¹ Диалог с русскими на земле. [Электронный ресурс] URL: <http://aawsat.com/home/article/478436> (дата обращения: 1.06.2017).

мусульманского сообщества не даёт ему возможность играть роль моста между двумя странами.

Российско-саудовское политическое взаимодействие представляется бесперспективным без достижения взаимопонимания по внутрисирийскому конфликту. Это взаимопонимание предполагает координацию действий обеих стран в борьбе с ИГИЛ, а также восстановление контактов Москвы с ведущими группами сирийской оппозиции. Отстаивая принцип сохранения сирийской государственности, Россия должна действовать на поле саудовской политики, поощряя движение к национальному примирению и исключая трактовку своих действий как поддержку режима. На практике это означает учёт мнения не только официального Дамаска, но и многочисленной сирийской диаспоры, в том числе представителей политической эмиграции, которые враждебно относятся к режиму [6]. Такая точечная стратегия требует больших ресурсов и времени, а значит, её воплощение прямо пропорционально улучшению отношений с Эр-Риядом.

Российско-иранские связи должны рассматриваться Москвой как фактор, направленный на обеспечение стабильности Ближнего Востока, включая зону Персидского залива. Подчёркивая принципиальный характер сохранения регионального статус-кво, Россия может снять саудовские опасения относительно намерений Ирана изменить баланс конфессиональных сил либо политических режимов.

Позитивное развитие российско-саудовских политических отношений связано с российским мусульманским сообществом. Присоединение России к ОИС открыло перед этим сообществом возможность сотрудничества с «внешним» исламом и его ведущим звеном – Саудовской Аравией. Подчёркивая уникальность российского опыта межрелигиозного сотрудничества, Москва должна провести грань между противодействием религиозному экстремизму (важнейшим направлением деятельности ОИС) и укреплением связей российских мусульман со своими единоверцами. Отсутствие этой грани – повод для недопонимания в отношениях Москвы и Эр-Рида.

Расширяя видение собственной внешнеполитической роли, Россия неизбежно включала в него Ближний Восток, в том числе, с учётом противостояния террористической угрозе со стороны ИГИЛ. В то же время Саудовская Аравия, после «арабской весны» укрепившая позиции на Ближнем Востоке, начала рассматривать этот регион в качестве зоны своего исключительного влияния и монопольных интересов. Принимая во внимание ослабление роли Соединённых Штатов в арабском мире и считая недостаточным участие европейских столиц в решении проблем Ближнего Востока, она стремилась вытеснить из этой зоны страны, способные оспорить её курс, либо не допустить их проникновения туда. Рассматривая Иран в качестве важнейшей из этих стран, а Россию как его безусловного союзника, Эр-Рияд развивал курс на исключение (или, по крайней мере, сужение) российского присутствия в сфере её региональных притязаний.

Наличие конфликтного потенциала в российско-саудовских политических отношениях не означает, что его нельзя изжить. Обе стороны заинтересованы в развитии экономических связей. При этом Эр-Рияд стремится к диверсификации внешнеэкономических отношений, нуждаясь, в числе прочего, в иностранных инвестициях для реализации курса на перестройку хозяйственной жизни. В свою очередь, давление западных санкций заставляет Москву вести поиск новых внешнеэкономических партнёров. Эр-Рияд занимает нейтральную позицию по кризису на Украине (включая вопрос Крыма), он не присоединился к введённым против России экономическим санкциям, стремится к развитию контактов с российскими «мусульманскими» регионами, способными стать реципиентами саудовских инвестиций.

Обе страны объединены отношением к вызову терроризма: Москва и Эр-Рияд считают ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» («Джабхат Фатх Аш-Шам») (как и «Аль-Каиду») источниками региональной нестабильности и вызовом международной безопасности, включив их в список террористических организаций. Обе страны борются против них (в том числе и на информационном поле) в Сирии и Ираке (хотя и в различных коалициях).

Расхождения по иранскому вопросу не мешают Москве и Эр-Рияду считать недопустимым превращение зоны Персидского залива в очаг напряжённости. Обе стороны выступают за придание этой зоне (как и Ближнему Востоку в целом) статуса региона, свободного от оружия массового поражения, не отрицая права расположенных там государств на мирное использование ядерной энергии. Отклонив российскую инициативу включить Иран в систему безопасности в зоне Персидского залива (особенно после создания в декабре 2015 г. «исламской антитеррористической коалиции» и разрыва в январе 2016 г. дипломатических связей с Тегераном), Эр-Рияд считает, что эта инициатива обретёт основу, если Иран будет проводить в регионе курс «добрососедства и невмешательства».

Очевидно, что только совместные действия по достижению взаимопонимания в политической сфере станут залогом преодоления существующей ныне конфликтности во взаимоотношениях.

Список литературы

1. Аветисян Ж.Г. Взаимоотношения России и арабского мира: история становления и современное состояние // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 79-81.
2. Антюхова Е.А. «Арабская весна»: политические кризисы и конфликты в государствах Ближнего Востока и Северной Африки // Национальный интерес. 2016. Т. 27. № 3. С. 147-167.
3. Визит В.С. Черномырдина в Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ, Оман // Дипломатический вестник. 1994. № 23/24. С. 9-10.
4. Гулькин П.Г. Российские предприниматели в Саудовской Аравии // Азия и Африка сегодня. 2013. № 7. С. 42-45.
5. Косач Г.Г. Россия и Саудовская Аравия: эволюция отношений // Свободная мысль. 2015. № 6 (1654). С. 129-142.
6. Лошкарёв И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. №4(106). С. 70-78.

7. Нейматов А.Я. Анализ современных российско-саудовских отношений // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 4. С. 268-273.
8. О поездке А.В. Козырева по странам Залива // Дипломатический вестник. 1992. № 9/10. С. 36-38.
9. Пересыпкин О.Г. Российско-саудовские отношения // Дипломатическая служба. 2011. № 4. С. 9-16.
10. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 120-135.
11. Посещение Р.Г. Абдулатиповым Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов // Дипломатический вестник. 2000. № 4. С. 6.
12. Kasatkin P.I., Avatkov V.A. The soft power of migration-a hard task for the European Union // Defense and Security Analysis. 2014. Vol. 30. № 4. Pp. 311-322.
13. Katz M.N. Saudi-Russian Relations Since 9/11 // Problems of Post-Communism. 2004. Vol. 11. No. 2. Pp. 3-11.
14. Mann Y. Saudi Arabia's Policy Toward non-OPEC Countries // Diplomacy & Statecraft. 2012. Vol. 23. No. 2. Pp. 381-391.
15. Shlapentokh D. Gulf States / Saudi Arabia and Russia's Approach to Iran: Similarities and Differences // Defense & Security Analysis. 2010. Vol. 26. №3. Pp. 305-319.

Об авторах:

Григорий Григорьевич Косач – д.и.н., профессор кафедры современного Востока Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: g.kosach@mail.ru.

Александр Оскарович Филоник – к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: fao44@mail.ru.

Елена Суреновна Мелкумян – д.полит.н., профессор кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: g.kosach@mail.ru.

RUSSIAN-SAUDIAN POLITICAL INTERACTION

G.G. Kosach, A.O. Filonik, E.S. Melkumyan
DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-127-138

Institute of Oriental Studies, RAS

The article analyzes the development of Russian-Saudi political interaction after the restoration (at that time of Soviet-Saudi relations) of bilateral relations in September 1990. The article focuses on the role of the Russian Muslim community in shaping the Russian politics towards Riyadh in the 1990-2000s.

The authors state there are both periods of "crises" and detente in the development of Russian-Saudi political interaction that were marked by events in Chechnya and former Yugoslavia in 1994-2000, "Arab Spring" 2011, the post-September 2015 era, the Russian anti-terrorist campaign in Syria.

The alternation of these periods is the constant of Russian-Saudi political contacts, despite the similarity in the approaches of both sides to the ways and methods of solving crisis situations in the Middle East region, as well as the Saudi's pro-Russian position regarding the change in the status of the Crimea and the situation in the east of Ukraine. The general attitude of both sides towards ISIS and Jabha al-Nusra as a source of terrorism, regional instabil-

ity and the challenge of international security does not remove the two main contradictions that divide Moscow and Riyadh – attitude toward the official Syrian regime and the Iran's regional policy.

The study comes to the conclusion that Russia and Saudi Arabia are interested (albeit for various reasons) in diversifying their foreign policy and foreign economic relations.

Key words: Russia, the Russian Muslim community, Saudi Arabia, Russian-Saudi relations, the Middle East, the Islamic world, Syria, Iran.

References

1. Avetisian Zh.G. Vzaimootnosheniia Rossii i arabskogo mira: istoriia stanovleniia i sovremennoe sostoianie [Relations of Russia and the Arab world: history of development and the current state]. *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura*, 2016, no. 5, pp. 79-81. (In Russian)
2. Antiukhova E.A. «Arabskaia vesna»: politicheskie krizisy i konflikty v gosudarstvakh Blizhnego Vostoka i Severnoi Afriki [The Arab spring: political crises and conflicts in the MENA states]. *Natsional'nyi interes*, 2016, vol. 27, no. 3, pp. 147-167. (In Russian)
3. Vizit V.S. Chernomyrdina v Saudovskuiu Araviu, Kuveit, OAE, Oman [V. Chernomyrdin visits Saudi Arabia, Kuwait, UAE, Oman]. *Diplomaticheskii vestnik*, 1994, no. 23/24, pp. 9-10. (In Russian)
4. Gul'kin P.G. Rossiiskie predprinimateli v Saudovskoi Aravii [Russian entrepreneurs in the Saudi Arabia]. *Aziia i Afrika segodnia*, 2013, no. 7, pp. 42-45. (In Russian)
5. Kosach G.G. Rossiia i Saudovskaia Aravii: evoliutsiia otnoshenii [Russia and the Saudi Arabia: the evolution of relations]. *Svobodnaia mysl'*, 2015, no. 6 (1654), pp. 129-142. (In Russian)
6. Loshkarev I.D. Evoliutsiia poniatiia «diaspora» v politicheskoi nauke [The evolution of diaspora concept in the Political Science]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura*, 2017, no.4 (106), pp. 70-78. (In Russian)
7. Neimatov A.Ia. Analiz sovremennykh rossiisko-saudovskikh otnoshenii [Analysis of current Russian-Saudi relations]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2011, no. 4, pp. 268-273. (In Russian)
8. O poezdke A.V. Kozyreva po stranam Zaliva [A. Kozyrev visits the Gulf states]. *Diplomaticheskii vestnik*, 1992, no. 9/10, pp. 36-38. (In Russian)
9. Peresyarkin O.G. Rossiisko-saudovskie otnosheniia [Russian-Saudi relations]. *Diplomaticheskaiia sluzhba*, 2011, no. 4, pp. 9-16. (In Russian)
10. Poliakov K.I., Khasianov A.Zh. *Arabskii Vostok i Rossiia: problema islam-skogo fundamentalizma* [The Arab world and Russia: problem of Islamic fundamentalism]. Moscow, Jeditorial USSR Publ., 2001. Pp. 120-135. (In Russian)
11. Poseshchenie R.G. Abdulatipovym Saudovskoi Aravii i Ob"edinennykh Arabskikh Emiratov [R. Abdulatipov visits Saudi Arabia and UAE]. *Diplomaticheskii vestnik*, 2000, no. 4, p. 6. (In Russian)
12. Kasatkin P.I., Avatkov V.A. The soft power of migration-a hard task for the European Union. *Defense and Security Analysis*, 2014, vol. 30, no. 4, pp. 311-322.
13. Katz M.N. Saudi-Russian Relations Since 9/11. *Problems of Post-Communism*, 2004, vol. 51, no. 2, pp. 3-11.
14. Mann Y. Saudi Arabia's Policy Toward non-OPEC Countries. *Diplomacy & Statecraft*, 2012, vol. 23, no. 2, pp. 381-391.
15. Shlapentokh D. Gulf States / Saudi Arabia and Russia's Approach to Iran: Similarities and Differences. *Defense & Security Analysis*, 2010, vol. 26, no. 3, pp. 305-319.

About the authors:

Grigory G. Kosach – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Contemporary History at the Faculty of History, Political Science and Law at the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. Russian Federation, 107031, Moscow, Rojdestvenka street, 12. E-mail: g.kosach@mail.ru.

Alexander O. Filonik – PhD in Economics, leading researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 107031, Moscow, Rojdestvenka street, 12. E-mail: fao44@mail.ru.

Elena S. Melkumyan – Doctor of Political Sciences, Professor of the Chair of the Modern East of the Russian State Humanitarian University, and a leading researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 107031, Moscow, Rojdestvenka street, 12. E-mail: g.kosah@mail.ru.